

Математика социальной сферы

Г.Б. Клейнер, член-корреспондент РАН

Невозможно говорить после таких блестящих ораторов, которые уже выступили. Говорить трудно, но надо.

Хотелось бы очень кратко сказать о трех вещах, которые мне представляются чрезвычайно важными. Во-первых, — и это самое важное — о

методе. С этого начал Александр Иванович, этого же касались и те, кто обсуждал этот доклад. Основной, ключевой вопрос: есть ли константы в социальных науках? Такие, какие есть в естественных науках, — скажем, число π , отношение длины окружности к ее диаметру. И если нет, то почему?

Константа — она и в Африке константа, из чего бы ни был сделан этот стаканчик, для него тоже имеет место эта константа. Есть ли такие константы в социальных науках? Это очень важно, потому что это определяет фундамент всех остальных размышлений. Это легко понять и проследить. И вот мой первый тезис: *такие константы в социальных науках есть*. Но они *не лежат в сфере скаляров, в сфере чисел*, как число π или постоянная Планка h . Они лежат в другом структурном пространстве, потому что измерения в социальных науках производятся не с помощью действительных чисел, путем приложения той или иной линейки, а иным образом. Каким? На этот вопрос существует много всяких спекуляций и размышлений, порой очень интересных, но я хочу остановиться на одном подходе.

В социальных науках мы имеем структуру, которая тоже имеет математическое выражение, но, в отличие от физики, не в рамках действительной оси. Вот важный пример:

система категорий и понятий. Здесь мы находимся в *другой* измерительной системе, основу которой составляет не количественная шкала действительных чисел, а номинальная шкала. Такие шкалы не позволяют делить или умножать, они дают возможность только идентифицировать понятия или явления. Но в социальных науках это основа основ! Иногда социальные измерения производятся в порядковых шкалах (одно явление «следует» за другим, «лучше» другого и т. д.). Могут быть и более сложные случаи, я привел здесь примеры минимальных уровней, на которых может вестись изучение и находится обсуждение в социальных науках.

Отметим: если идентификация — это первичное, базисное измерение, то необходимо особое внимание уделять точности формулировок определений. Если мы говорим, что эти шкалы, в отличие от действительных чисел, являются основой, кирпичиками, значит надо точно формулировать определения и связи между ними таким образом, чтобы эти определения можно было выразить конечной последовательностью слов и понятий, чтобы аналоги — в сравнении с квантовой механикой или с искусством — были бы иллюстрацией, но не частью определений. Вот по чему я тосковал, читая этот чрезвычайно насыщенный и интересный доклад А.И. Неклессы, — так это по точным определениям.

Наша история, в которой мы находимся, люди, которые занимаются социальными исследованиями, анализом общества — это наша жизнь. Раз мы в ней живем, мы должны вкладывать в нее то, что требует жизнь: строгость, обсуждаемость, рефлексию и т. д. Это и есть та игра, которая необходима для того, чтобы наши поначалу произвольные и субъективные определения стали *знаниями, т. е. константами*. Знаниями как институализированная и признанная информация.

Мне кажется, что для получения новых знаний в социальной сфере нужна другая математика, более сложно структурированная по сравнению с той традиционной, что изучается в вузах. Если хотите, вот эта другая математика и есть

постмодернизм, в отличие от модернизма, который мы по-прежнему хотим описывать и измерять с помощью количественных действительных числовых шкал.

Теперь второй момент — эта самая новая рациональность, определение которой я пытался отыскать в докладе, потому что это действительно чрезвычайно важно. Сейчас уже ясно, что человек не ведет себя рационально, не познает мир рационально, не действует после этого познания (или вместо него) рационально. Его поведение многослойно. Фрэнк Найт, перевод книги которого я недавно редактировал (это новая книга «Этика конкуренции», ранее не переводившаяся), говорит о том, что при ответе на вопрос о ваших целях затрагиваются по крайней мере три уровня целенаправленности. Первый — это цель, которую от меня ждут услышать, ждут, чтобы я ее сформулировал. «Какова цель вашего предприятия: прибыль, объем дохода или зарплата?». Вторая цель — это то, что я действительно хочу, к чему я стремлюсь, если сильно покопаться в самом себе. А третья цель — это то, что я *должен был бы хотеть*, если был бы нравственным человеком, т. е. то, что *следовало бы хотеть*. Отклонение от примитивного целерационального подхода в ту или иную сторону образует сложный комплекс иррационального поведения. Мне кажется, что та самая новая рациональность как способ, как методология объяснения поведения современного человека, коллектива и общества — это структурированная иррациональность. Мне кажется, посылки, с которыми автор доклада подходит к анализу, должны быть сформулированы более явно и точно. В этом, если хотите, рациональность исследователя.

И последнее. Доклад многослоен, чрезвычайно содержателен, сложен и переплетен, как сама реальность. Что же получилось? Сумбур вместо музыки или музыка вместо сумбура? Мне кажется, сумбур вместо музыки и был символом модернизма, а та поистине синкретическая музыка, которую мы слышим в докладе Александра Ивановича, — это и есть музыка постмодернизма.